

Владимир Николаевич Топоров

Москва

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О СТРУКТУРЕ ФЛЕКТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ ЛИТОВСКОГО ГЛАГОЛА В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ПОРОЖДЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Попытки описать морфологию глагола в том или ином языке наиболее простым образом реализуются в последнее время преимущественно в том, что исследователи стараются найти такие цепочки (последовательности) абстрактных морфем, из которых путем применения ряда морфонологических и трансформационных правил можно вывести все реально существующие глагольные формы¹. Один из аспектов исследований такого рода состоит в том, чтобы установить простейшие связи (переходы) между разными глагольными формами или их элементами. Литовский глагол, несмотря на наличие специальных исторических исследований и вполне удовлетворительных практических описаний (главным образом в виде парадигм с комментариями), с этой точки зрения исследован не был. Поэтому описание синхронного состояния литовского глагола выдвигается в число наиболее настоятельных потребностей литуанистики. Ниже будут изложены некоторые соображения, касающиеся прежде всего структуры флективной парадигмы инфинитива (как исходной формы с точки зрения словарной практики) и презенса и претерита (как форм, которые нужно породить или синтезировать с наименьшим числом операций)². Многие из этих соображений, возможно, покажутся тривиальными, но нигде в явном виде они сформулированы не были; кроме того, в прежних работах не преследовались те цели, которые ставятся здесь.

Первой из задач при заданном направлении описания следует считать такое описание инфинитива, которое позволило бы выявить максимум инфор-

¹ Ср. прежде всего R. Jakobson, *Russian Conjugation*, — „Word“, IV, 1948, стр. 155—167 и целую серию работ, продолжающих идеи, содержащиеся в названной статье. Из этих работ ср. последние по времени: М. Халле, *О правилах русского спряжения*, — „American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. Sofia, 1963“, The Hague, 1963, p. 113—132; A. V. Isačenko, *The Morphology of the Slovak Verb*, — „Travaux linguistiques de Prague. — I. L'Ecole de Prague d'aujourd'hui“, 1964, p. 183—201 и др.

² Синтез форм будущего времени здесь не рассматривается ввиду простоты решения этой задачи (однозначная выводимость этих форм из форм презенса). Внимание, уделяемое здесь инфинитиву, презенсу и претериту, объясняется той общепринятой точкой зрения, согласно которой существуют именно эти три основных (рассматриваемых практически как несводимые друг к другу) формы глагола.

мации о формах, к которым нужно перейти. В качестве формы индикатива, промежуточной между инфинитивом и любой другой формой индикатива (в данном случае — презенса и претерита) и позволяющей осуществить переход в обе стороны, можно выбрать практически любую форму презенса или претерита. Поскольку при дальнейших рассуждениях предпочтение отдается операциям с фиксированным порядком их следования, во-первых, операциям синтеза, во-вторых, и нахождению форм, обладающих максимумом прогностических качеств, в-третьих, — приходится в качестве такой промежуточной формы выбрать 3-е лицо презенса³.

Напрашивается два варианта описания инфинитива. При одном из них предполагается, что инфинитив всех глаголов содержит окончание *-ti*: *suk-ti*, *aiškė-ti*, *norė-ti*, *aidė-ti*, *kasy-ti*, *kandy-ti*, *degio-ti*, *kybo-ti*, *giedo-ti*, *bernaui-ti*, *skersuo-ti*. Отделение этого окончания происходит безошибочно⁴, однако для перехода к форме 3-его лица презенса иногда приходится обращаться к конечному гласному сегменту инфинитивной основы (*kybo-ti* → *kybo*), а иногда не приходится (*aidė-ti* → *aida*); в этом последнем случае для перехода от инфинитива к 3-ему лицу презенса требуются три операции (отделение *-ti*, зачеркивание *-ė*, приписывание *-a*), тогда как при делении инфинитива *aidėti* понадобились бы лишь две операции (отделение *-ėti* и приписывание *-a*). При другом варианте описания инфинитива „инфинитивная флексия“ выделяется в соответствии со следующими правилами⁵:

1. „Инфинитивной флексией“ является *-ti*, если: а) непосредственно влево от *-ti* находится С или б) влево от *-ti* находится лишь один V⁶.
2. Во всех остальных случаях „инфинитивной флексией“ является *-Vti*⁷.

Примечания: I. Примеры — 1а. *ras-ti*; 1б. *dė-ti*, *vy-ti*, *gro-ti*, *au-ti*, *šluo-ti*, *lie-ti*, *ei-ti*, *gui-ti*; 2. *nor-ėti*, *praš-yti*, *mieg-oti*, *pon-auti*, *kuk-uoti*.

II. В указанных правилах приставки не учитываются (ср. к правилу 2: *padė-ti*, но не: *pad-ėti!*; ср. *pa-dėti*).

³ Подробнее о мотивах такого выбора см. ниже. Сейчас же достаточно подчеркнуть преимущества этой формы в прогностическом отношении. Ср. *-i* (3 л.) ⇨ *-iu* (1 л.), *pori* ⇨ *poriu*, но: *-iu* (1 л.) ⇨ *-i* (3 л.) ∨ *-ia* (3 л.), *poriu*—*pori* и *liepiu*—*liepia*.

⁴ Условлено, что в распоряжении исследователя есть сравнительно простые способы отличать *-ti* в конце инфинитивных форм от *-ti*, завершающих другие глагольные формы типа *aušti* — 2 л. през. от *aušti*, *dirbanti* — имен. п. ед. ч. жен. р. причаст. през. действ. зал. и т. д., не говоря уж о неглагольных формах типа *dievaiti* — эват. ф., *šalti* — имен. п. множ. ч. прилаг., *pati* — имен. п. ед. ч. жен. р. местном. и др.

⁵ Далее используются символы: С — неслогообразующая фонема, V — слогообразующая фонема; при этом следует учесть, что части дифтонга или двугласного сочетания не рассматриваются как отдельные сегменты.

⁶ В инфинитивах типа *guiti*, *uiti*, *zuiti* флексией считается *-ti*, так как *-i* влево от *-ti* трактуется как С (*-i*) и одновременно влево от *-ti* есть лишь один V (*-u*).

⁷ Правило 2 может быть сформулировано более конструктивным образом („инфинитивной флексией“ является *-Vti*, если непосредственно влево от *-Vti* находится С и влево от *-Vti* есть хотя бы еще один V), что, однако, оказывается ненужным при фиксированном порядке правил. То же можно сказать и об улучшенном варианте конструктивного изложения правила 2 („инфинитивной флексией“ является *-Vti*, если влево от *-Vti* есть хотя бы еще один V); дело в том, что практически сочетания VV можно считать запрещенными в инфинитиве.

Выделение „инфинитивной флексии“ по этому способу позволяет избавиться от ряда недостатков первого варианта описания инфинитива (ср. *aid-ėti* → *aida*), но зато связано с трудностями, отсутствующими в первом варианте (*kyb-oti* → *kybo*).

Однако есть более простой способ извлечения из формы инфинитива информации, необходимой для перехода к форме 3-его лица презенса. Он заключается в проверке лишь одного фонемного сегмента инфинитива — третьего справа, если он C; если же этот элемент окажется V, приходится проверять, нет ли влево от него еще одного V: при отсутствии этого V качество V, стоящего на третьем месте справа, оказывается несущественным, и с интересующей нас точки зрения третий справа сегмент в таких инфинитивах может трактоваться как C (именно так всегда приходится рассматривать случаи, когда третьим справа сегментом являются *-ie-*, *-ei-*, *-ui-*).

На графическом уровне можно установить следующие типы переходов от инфинитива в лице наиболее информативного его сегмента к флексии 3-его лица презенса⁸:

I.	1. -C(ti) → -a	(su)-k-(ti) → (suk)-a
	2. -C(ti) → -ia	(jun)-g-(ti) → (jung)-ia
	3. -C(ti) → -ta	(gai)-š-(ti) → (gaiš)-ta
	4. -C(ti) → -sta	(al)-p-(ti) → (alp)-sta
	5. -C(ti) → -šta	(mi)-r-(ti) → (mir)-šta
	6. -o, ⁹ (ti) → -ja	(gr)-o,-(ti) → (gro)-ja
	7. -ė,(ti) → -da	(d)-ė,-(ti) → (de)-da ¹⁰
II.	8. -ė(ti) → -ėja	(aišk)-ė-(ti) → (aišk)-ėja
	9. -ė(ti) → -i	(nor)-ė-(ti) → (nor)-i
	10. -ė(ti) → -a	(aid)-ė-(ti) → (aid)-a
	11. -ė(ti) → -ia	(kvep)-ė-(ti) → (kvep)-ia
III.	12. -y(ti) → -o	(kas)-y-(ti) → (kas)-o
	13. -y(ti) → -ija	(kand)-y-(ti) → (kand)-ija
IV.	14. -o(ti) → -oja	(degi)-o-(ti) → (degi)-oja
	15. -o(ti) → -o	(kyb)-o-(ti) → (kyb)-o
	16. -o(ti) → -a	(gied)-o-(ti) → (gied)-a
V.	17. -au(ti) → -auja	(bern)-au-(ti) → (bern)-auja
	18. -uo(ti) → -uoja	(skers)-uo-(ti) → (skers)-uoja

На уровне, учитывающем морфонологические и трансформационные правила, детали перехода от инфинитивных окончаний к окончаниям 3-его лица презенса могут быть сформулированы гораздо проще. Так, I,2 *jung-ti* → *jung-ia* приобретает вид *jung-ti* → *jung'-a* и, следовательно, совпадает с I,1 *suk-ti* → *suk-a*. I,6 *gro-ti* → *gro-ja* в силу морфонологического правила

⁸ Выделение именно таких, как здесь, вариантов графической флексии 3-его лица объясняется сопоставлением с соответствующими флексиями претерита.

⁹ Штрих при о, указывает на отсутствие V влево от этого о.

¹⁰ Случай типа (ra)-s-(ti) → (ra)-nda, (m)-au-(ti) → (mau)-na и т. п. здесь не рассматриваются ввиду того, что в этих случаях существуют более надежные критерии для различения инфинитивной и презентной основ, чем в I,4–5.

$V \in M_R$ & $V \in M_{FI}$ → $V&j&Y^{11}$ переписывается как $gro-ti \rightarrow gro-a^{12}$ и также совпадает с I,1. I,3 $gaiš-ti \rightarrow gaiš-ta$ также может быть представлено как $gaiš-ti \rightarrow gaiš-ta$ в силу правила $C_S \& C_T \& C_T \rightarrow C_S \& C_T^{13}$, и в таком случае I,3 будет не отличимо от I,1: поскольку; однако, последовательность $\dot{s}t$ может быть результатом порождения двух разных исходных цепочек ($\dot{s} \& t \& t$ и $\dot{s} \& t$, ср. $gaiš-ti \rightarrow gaiš-ta$ при $kaiš-ti \rightarrow kaiš-ia$), в случае, подобном I,3, необходимо указание на наличие или отсутствие операции в соответствии с данным правилом¹⁴. I,4 $alp-ti \rightarrow alp-sta$ и I,5 $mir-ti \rightarrow mir-šta$ могут быть объединены, тем более, что I,5 представлен лишь одним примером, а I,4—59 примерами¹⁵, причем окончания $-sta$ и $-šta$ находятся в отношении дополнительного распределения¹⁶: $-sta$ никогда не выступает после g , а $-šta$ встречается после g . Поскольку глаголы I,4 и I,5 образуют особый класс, характеризуемый весьма отчетливыми и регулярными признаками (в частности, семантическими)¹⁷ и наличием противопоставленных им глаголов (типа $varg-ti - varginti$, например), целесообразно расчленение $-sta (-šta)$ на элемент, образующий презентную основу $-st-$, и на окончание 3-его лица $-a$, совпадающее с типом I,1. Тип I,7 представлен лишь двумя примерами $dē-ti \rightarrow dē-da$ и $duo-ti \rightarrow duo-da$; он относится к числу исключений и далее не рассматривается. Иначе обстоит дело с группой из 13 глаголов: $bris-ti \rightarrow bren-da$,

¹¹ Т. е. последовательность двух гласных фонем, из которых одна принадлежит корневой морфеме (или морфеме основообразования), а другая — флективной морфеме, перекодируется в последовательность тех же гласных с j между ними.

¹² Сюда относятся 24 глагола: $gyti, glieti, groti, joti, kloti, knoti, lieti, liėti, lyti, loti, moti, ploti, rietis, ryti, sėti, sieti, skrieti, spėti, stoti, šlieti, šlyti, šluoti, tvoti, žioti$ с долгим вокализмом корня.

¹³ Т. е. последовательность трех согласных фонем, из которых первая является непрерывной переднеязычной, а вторая и третья — прерывными переднеязычными, преобразуется в последовательность первых двух из указанных фонем (строго говоря, это правило удобнее свести к двум другим правилам вида $C_T \& C_T \rightarrow C_S \& C_T$ и $C_S \& C_S \rightarrow C_S$).

¹⁴ Для этой статьи был использован весь материал, относящийся к бесприставочным глаголам, из словаря V. Kosuchinas, A. Lyberis. *Lietuvių—rusų kalbų žodynas*, Vilnius, 1956 (более 2500 глаголов). Указание на наличие операции должно содержаться при следующих глаголах: $áušti, aūšti, blėsti, brestī, drįsti, dusti, dužti, gaišti, gelsti, gesti, gižti, gniužti, grimzti, grįžti, gursti, ilsti, ižti, juosti, kaišti, karsti, karšti, kaušti, kirsti, kiužti, klysti, kvaišti, lysti, lūžti, mažti, mėgti, mišti, nirsti, niršti, plūsti, raišti, rausti, sausti, skursti, slysti, snūsti, sprūsti, šašti, širsti, tįsti, tižti, tūžti, vēsti, virsti, visti, a также: blykšti, brėkšti, drikti, trykšti, trokšti$ — итого более 50 глаголов.

¹⁵ $alkti, alpti, blankti, blogti, brinkti, dygti, dykti, dingti, drėkti, dūkti, džiūti$ (но и: $džiūva$), $gimti, ilgti, keipti, kimti, klimpti, klypti, klysti, krypti, leipti, lygti, linkti, lobti, margti, mirkti, nykti, nokti, pykti, plėkti, raibti, rimti, rūgti, rūkti, senti$ (но и: $seno$), $silpti, sirpti, slopti, slūgti, smilkti, smulkti, springti, sprogti, stingti, stubti, svaigtū, sveikti, šėlti, tarpiti, temti$ (но и: $temo$); $tinti, tirpti, tolti, trūkti, tvilkiti, tvinkiti, tvinti, tvirkiti, vargti, vykiti$; из приставочных глаголов ср. $pa-zinti$.

¹⁶ В отличие от ряда других случаев типа $karsti—karšti, nirsti—niršti$ и др.

¹⁷ Из таких признаков ср. общую фонемную структуру глагола $C \& C \& C \& (\bar{V} \vee (V \& R) \& C \& -sta$ (максимальная формула, где \bar{V} — долгая гласная фонема, R — сонорная фонема; ее реальное воплощение — $springsta$), в которой существен характер вокалического центра; акцентуационные закономерности (в презенсе всегда сохраняется интонация инфинитива, в претерите — всегда кроме двух примеров, где R оказывается перед V : $sėnti—sėnsta$, но $sėno$ и $tėmti—tėmsta$, но $tėmo$); инхоативное значение, придаваемое $-st-$.

bus-ti → bun-da, ges-ti → gen-da, grūs-ti → grū-da, ҡas-ti → kan-da, līs-ti → len-da, ras-ti → ran-da, rus-ti → run-da, sklīs-ti → sklin-da, skris-ti → skren-da, skrus-ti → skrun-da, ves-ti → ve-da, žīs-ti → žin-da; для всех этих глаголов в соответствии с уже указанным морфонологическим правилом $C_T \& C_T \rightarrow C_s$ & C_T восстанавливается . . . d-ti → . . d-a, ср. bud-ti → bund-a, ved-ti → ved-a, что объединяет эту группу глаголов с глаголами типа I,1; исключая ves-ti → ve-da и grūs-ti → grū-da, все эти глаголы объединяются в особый класс презентных основ с четкими характеристиками¹⁸, которые должны быть использованы при переходе от инфинитива к презенту.

В остальных типах положение несколько более сложно, поскольку даже для тех случаев, где сведение к типу I,1 возможно, приходится то принимать во внимание третий справа гласный сегмент инфинитива, то игнорировать его. Первая разновидность отражена в следующих типах: II,8 aišk-ė-ti → aišk-k-ėja, переписываемом в презенте как aišk-ė-a в силу уже отмеченного правила (см. I,6); IV,14 degi-o-ti → degi-o-ja, трансформируемом в deg'-o-ti → deg'-o-a; V,17 bern-au-ti → bern-au-ja, дающем в презенте bern-au-a; V,18 skers-uo-ti → skers-uo-ja, переписываемом на этом уровне в skers-uo-ti → skers-uo-a, и, наконец, III,13 kand-y-ti → kand-ija, результирующемся в презенте в kand-y-a (ср. специальный вариант уже известного правила: $V_{i,u} \& V \rightarrow V_{i,u} \& (j \vee v) \& V$). Вторая разновидность сводима к типу I,1 лишь при исключении в презенте третьего справа гласного сегмента инфинитива. Ср. II,10 aid-ė-ti → aid-a; II,11 kver-ė-ti → kver-ia, преобразуемое в kver-ė-ti → kver'-a; IV,16 gied-o-ti → gied-a.

Таким образом, лишь три группы случаев не сводимы к типу I,1 II,9 nor-ė-ti → nor-i, III,12 kas-y-ti → kas-o и IV,15 kyb-o-ti → kyb-o¹⁹.

¹⁸ V & R в качестве вокалического центра (реально: án, aǎ, eǎ, ln, iǎ, uǎ, т. е. R=m); инхоативное значение и т. д. Следует помнить, что эта группа является частью более обширного класса глаголов с инфикальным носовым согласным в презенте при отсутствии его и его следов в инфинитиве и претерите, ср. dri-b-ti—dri-m-b-a—drib-o (dribti, dubti, glebti, grubti, kibti, klibtì, klupti, kniubti, knupti, lepti, lipti, stipti, šepti, žiapti, šlapti, tapti—vсero 16 глаголов) и тип a-k-ti—a-n-ka—ak-o (akti, blukti, bukti, justì, kakti, kisti, krikti, kristi, migti, misti, pigti, pliktì, plisti, prasti, pusti, rusti, sektì, siusti, skrestì, smegtì, rìngiti, smuktì, snigti, sprukti, stigti, strigti, šusti, švisti, tekti, tikti, trakti, trikti, trukti, žlugti—vсero 34 глагола); для обеих этих групп в презенте характерен вокалический центр $\check{V} \& R$, где R = m, n; схема интонаций: инфинитив и претерит ', презент ~ или инфинитив ', презент и претерит ~ в тех случаях, когда вокализм корня -a- или -e- вместо более обычных: -i-, -u- (ср. при dribti—driṁba—dribo или blūkti—bluṁka—blūko, более редкие: glēbti—gleṁba—glēbo, lēpti—leṁpa—lēpo, šēpti—šeṁpa—šēpo, šlāpti—šlaṁpa—šlāpo, tāpti—taṁpa—tāpo и ākti—aṁka—āko, kākti—kaṁka—kāko, prāsti—praṁta—prāto, rāsti—raṁda—rādo, sēkti—seṁka—sēko, skrēsti—skreṁta—skrēto, smēgti—smeṁga—smēgo, tēkti—teṁka—tēko, trākti—traṁka—trāko); инхоативное значение. Все глаголы этих групп легко отделимы, во-первых, от таких глаголов, как: brēsti, gałasti, grįsti, ҡęsti, reṣti, siusti, sķęsti, ŗveṣti, у которых носовой сегмент всегда есть и в претерите, а на графическом уровне след его всегда обнаруживается и в инфинитиве (ср. ҡęsti—kenčia—kentė); и, во-вторых, от таких глаголов, как: auti, bliauti, brautis, džiauti, gauti, griauti, įauti, kauti, kļiautis, krauti, liautis, mauti, piauti, plauti, rauti, šauti; строго говоря, сюда же относится и eiti (общая схема вокалического центра: инфинитив -au-, презент -au (n+V), претерит -o(v)- с неизменяющейся по основам интонацией).

¹⁹ Эта немногочисленная группа состоит из 30 глаголов (чаще всего с отчетливыми структурными признаками): drybsoti, kepsoti, murksoti, niūksoti, pūpsoti, riogsoti, spoksoti,

Из сказанного выше следует, что с точки зрения перехода от инфинитива к презенсу (точнее, к его окончаниям) при анализе инфинитива важно знать, во-первых, какую флексию имплицитует третий справа сегмент инфинитива в 3-ем лице презенса (-а, -і, -о, -#), и, во-вторых, остается ли (+) в презенсе этот сегмент или устраняется (—). Таким образом, возникает возможность образования восьми типов презенса *sub specie infinitivi*, из которых в литературном варианте литовского языка реализуются лишь пять (см. табл. 1).

Таблица 1

Флексия 3-его лица презенса 3-ий справа сегмент инфинит.	-а	-і	-о	-#
+	suk-a jung'-a gro-a aiškė-a kandy-a			D kyb-o
—	Ab aid-a gied-a	B nor-i	C kas-o	

Поскольку подавляющее большинство глаголов литовского языка (их намного больше половины) относится к числу тех, которые удерживают в 3-ем лице презенса сегмент, стоящий на третьем месте справа в форме инфинитива, практически достаточно отмечать лишь случаи устранения этого сегмента; по этой же причине можно не фиксировать все те случаи, когда прибавляется флексия -а (их огромное большинство), отмечая лишь присоединение остальных флексий (практически речь идет лишь об -і, чтобы отличить *pot(ė)ti* от *aid(ė)ti*, и о -#, чтобы отличить *kyboti* от *groti*²¹; указывать прибавление -о нет смысла, так как -о встречается лишь у глаголов с (у), ср. *kas(y)ti*, но не встречается у глаголов типа *kandyti*). Следовательно, для того, чтобы от инфинитива перейти к флексии 3-его лица презенса автоматическим образом, достаточно представить инфинитивные формы в следующем виде: *sukti, groti, aiškėti, kandyti* (>-а); *gied(o)ti, aid(ė)ti* (>-а);

stypsoti, stūksoti, šypsotis, šmėksoti, timsoti, vėpsoti, žiopsoti, žlagsoti; gumšoti, kyšoti, telkšoti, а также: *kaboti, kainoti, karoti, kyboti, kiūtoti, klūpoti, kniūboti, gumoti, saugoti, styroti, tūnoti, žinoti*. Она уникальна поскольку с точки зрения перехода от инфинитива в 3-ем лице презенса не оказывается флексии иной, чем -#.

²⁰ Эта возможность реализуется в диалектных формах типа *ved-*, а в литературном варианте языка лишь в примерах типа *gal*, *tug* в сочетании с *būt* и т. п.

²¹ Впрочем, они отличимы при операции поиска V влево от -о.

nor(ė)ti [i] (▷ -i); kas(y)ti (▷ -o); kyboti (▷ -#)²². После этого применяются морфонологические и трансформационные правила типа: $C_{I(\text{Inf.})} \rightarrow C'_{I(\text{Praes.})}$, ср. b → b' (baubti → baubia), g → g' (baigti → baigia), k → k' (braukti → braukia), l → l' (gelti → gelia), m → m' (dumti → dumia), p → p' (cypiti → cypia), r → r' (arti → aria), s → s' (dvėsti → dvesia), š → š' (kaišti → kaišia), ž → ž' (brėžti → brėžia); $C_{I(\text{Inf.})} \rightarrow C'_{II(\text{Praes.})}$, ср. d → dž' (austi → audžia), t → č' (dumsti → dumčia); $C_I \& C_{II(\text{Inf.})} \rightarrow C_{II} \& C'_{II(\text{Praes.})}$, ср. gz → zg (brigzti → bryzga); $C_I \& C'_{II(\text{Inf.})} \rightarrow C_{II} \& C'_{I(\text{Praes.})}$, ср. gz → zg' (dugzti → duzgia), $C_I \& C_{II} \& C_{III(\text{Inf.})} \rightarrow C_{II} \& C'_{I(\text{Praes.})}$, ср. kst → sk' (drėksti → dreskia); $C_I \& C_{II} \& C_{III(\text{Inf.})} \rightarrow C_{II} \& C'_{I(\text{Praes.})}$, ср. kšt → šk' (blokšti → bloškia)²³ и т. д.; подробнее эти и им подобные правила не перечисляются, так как в этой статье основное внимание направлено на решение задачи порождения флексии²⁴.

Подводя итог этой части решения задачи, можно предложить следующую общую формулу перехода от инфинитива к флексии 3-его лица презенса в литовском языке:

$$\left((x \& (-a \vee -\#)) \vee (\bar{x} \& (-a \vee -i \vee -o)) \right) \supset y,$$

где x — 3-ий сегмент инфинитива справа, \bar{x} — отсутствие, x, y — флексия 3-его лица презенса. (Формула читается: для получения флексии 3-его лица презенса нужно к третьему сегменту инфинитива справа прибавить -a или -# или просто взять одно из трех окончаний: -a, или или -o).

Вторая задача, выдвигаемая здесь, связана с переходом, с одной стороны, к любой другой флексии презенса, а с другой стороны, к флексиям претерита.

Что касается первой половины этой задачи, то для ее решения важно обратиться к описанию структуры парадигмы флексий литовского глагола независимо от времен, поскольку эти парадигмы построены в принципе однообразно во всех временах. Перечень флексий презенса и претерита с указанием соответствующих парадигм см. в табл. 2 и 3.

Основной особенностью флективной парадигмы литовского глагола, несомненно, следует считать то, что флексия 3-его лица является исходной и центральной в парадигме флексий. При этом следует обратить внимание не столько

²² То же самое могло бы быть выражено еще более кратким образом:

C, o, é, y	(▷ -a)
(o), (é)	(▷ -a)
(é) [i]	(▷ -i)
(y)	(▷ -o)
V & o	(▷ -#).

На основании сказанного становится очевидным, что грамматические пометы при глаголе в словарях часто весьма избыточны.

²³ Особо следует отметить случаи, где указанные правила не применяются, ср. blykšti → blykšta, driksti → dryksta и т. п.

²⁴ Следует отметить, что все эти правила характеризуют глаголы, традиционно относимые ко 2-ому спряжению (-io). Отсюда вытекает возможность различения глаголов типа sukti (1-ое спряжение) и kaukti (2-ое спряжение) путем указания на необходимость применения во втором случае правил указанного типа, например, kaukti (!) но: sukti или C (!), но: C (см. выше).

Флексии презенса

Число		Sg.			Plur.		
Лицо	Парадигма	a	b		a	b	c
	1				(-u) ²⁵	-arne	-ome
2				(-i)	-ate	-ote	-ite
3					(-a)	(-o)	(-i)

Флексии претерита

Число		Sg.			Plur.		
Лицо	Парадигма	a	b	c	a	b	c
	1		-au	(-au)	(-au)	-ome	-ème
2		-ai	-ei	(-ai)	-ote	-éte	(-ote)
3		-o	-é	(-o)	(-o)	(-é)	(-o)

на теоретические основания особой роли этой формы, подчеркнутые и в ряде относительно недавних работ²⁶, и даже, пожалуй, не на такую яркую особенность балтийского глагола, как нейтрализация противопоставления граммем числа в 3-ем лице, — сколько на вполне конкретные детали, имеющие непосредственное отношение к структуре парадигмы флексии, а именно на роль флексии 3-его лица глагола с точки зрения анализа и синтеза.

В презенсе в единственном числе наиболее показательной является парадигма а. Она обслуживает подавляющее большинство глаголов, на ее основе строятся другие парадигмы; наконец, члены этой парадигмы элементарны (-u, -i, -a) и, следовательно, не сводимы друг к другу. С аналитической точки зрения более всего сведений сообщает флексия 3-его лица -a. Во-первых, она позволяет отделить глаголы с исходом на -a в форме 3-его лица презенса от глаголов с исходом на -o и -i (формы 1-ого и 2-ого лица допускают различие лишь двух групп глаголов). Во-вторых, флексии 3-его лица презенса позволяют делать однозначные утверждения о флексиях других лиц в единственном числе презенса. Так:

- a (3. Praes.) ⊃ -u (1. Praes.) & -i (2. Praes.).
- o (3. Praes.) ⊃ -au (1. Praes.) & -ai (2. Praes.).
- i (3. Praes.) ⊃ -u (1. Praes.) & -i (2. Praes.).

²⁵ В скобки взяты флексии, уже встречавшиеся раньше при том же самом сочетании граммем.

²⁶ См. E. Benveniste, *Structure des relations de personne dans le verbe*, — BSL, 43, 1946, стр. 1—12; его же, *La nature des pronoms*, — „For Roman Jakobson“, The Hague, 1956, р. 34—37; P. Forchheimer, *The Category of Person in Language*, Berlin, 1953 и др.

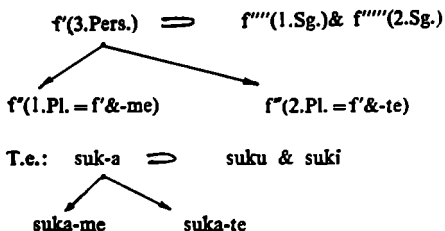
Знание флексий 1-ого и 2-ого лица, напротив, не дает однозначного решения:

- u (1. Praes.) \supset -a (3. Praes.) \vee -i (3. Praes.)
- i (2. Praes.) \supset -a (3. Praes.) \vee -i (3. Praes.)²⁷.

С точки зрения синтеза флективной парадигмы глагола флексия 3-его лица уникальна, поскольку из нее с помощью наиболее простых операций порождаются практически все другие флексии той же парадигмы. Полный автоматизм достигается при порождении флексий 1-ого и 2-ого лица множественного числа (независимо от парадигм и времен) в соответствии с формулой:

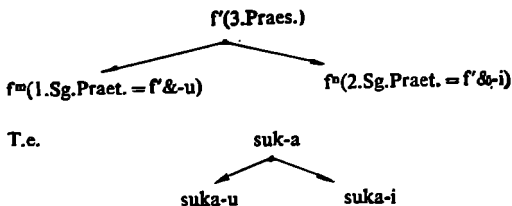
- $(f' (3. Pers.) \& -me) \rightarrow f'' (1. Plur.)$
- $(f' (3. Pers.) \& -te) \rightarrow f''' (2. Plur.),$

где f — флексия. Можно было бы, учтя приведенные выше импликации, связать все члены флективной парадигмы воедино серией однозначных переходов и импликаций. Например:

Тем не менее, существует возможность более удобного описания схемы порождения всех членов флективной парадигмы (и в презенсе, и в претерите) из флексии 3-его лица с применением однородных по характеру процедур. При этом, однако, возникает вопрос о переходе от флексий презенса к флексиям претерита, составляющий другую половину второй задачи (см. выше); в связи с этим о другом варианте схемы порождения будет сказано ниже.

Флексия 3-его лица презенса в парадигме a автоматически порождает не только флексии 1-ого и 2-ого лица множественного числа презенса, но и флексии тех же лиц единственного числа в претерите. Ср.:

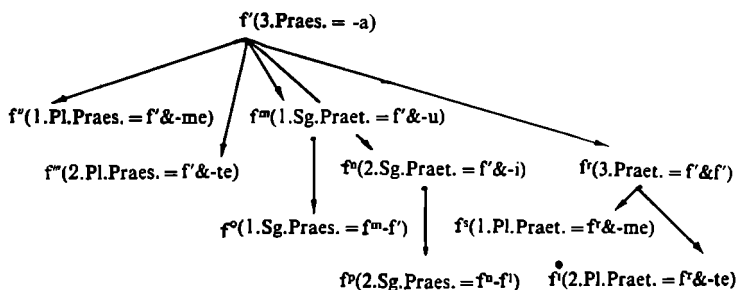

²⁷ Хотя: -au (1. Praes.) \supset -ai (2. Praes.) $\&$ -o (3. Praes.)
 -ai (2. Praes.) \supset -au (1. Praes.) $\&$ -o (3. Praes.),

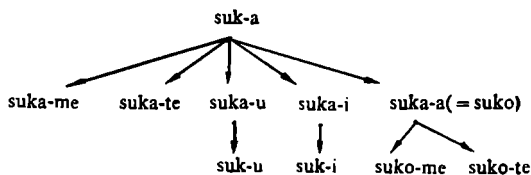
аналитические возможности этих флексий первых двух лиц все-таки более ограничены из-за наличия точно такого же набора флексий в претерите (a).

То же относится и к порождению 3-его лица претерита: *suk-a* → *suka-a*, что переписывается как *suko*. Таким образом, оказывается, что самый обширный слой глаголов образует все флексии претерита путем прибавления к флексии 3-его лица презенса флексий других лиц презенса или прибавлением к соответствующим флексиям презенса справа фонемы -а. Следовательно: *suka* (Praes.) ⊃ *suka-a* (→ *suko*) (Praet.), *groja* (Praes.) ⊃ *groja-a* (→ *grojo*) (Praet.), *aiškeja* (Praes.) ⊃ *aiškeja-a* (→ *aiškejo*) (Praet.), *kandija* (Praes.) ⊃ *kandija-a* (→ *kandijo*) (Praet.)²⁸. Что касается других типов, рассматривавшихся выше, то тип *giedoti* объединяется с типами *kyboti*, *aidėti* и *porėti* в том отношении, что для операции порождения претеритальных форм снимаются скобки, в которые был заключен третий справа сегмент инфинитива, и к этому сегменту прибавляется справа -о (как и в случае *kyboti*). То же относится к типу *kasyti*: *kasy-o* → *kasj-o* → *kasė*. Из сказанного видно, какую роль играет дополнительность в распределении глаголов с третьим справа сегментом инфинитива в скобках и без скобок в связи с порождением презентных и претеритальных флексий. Нужно думать, что эта черта принадлежит к числу наиболее кардинальных особенностей литовского глагола, рассматриваемого как синхронно, так и исторически.

Возвращаясь к оставленной выше схеме порождения всей флективной парадигмы из флексии 3-его лица презенса и вводя операцию зачеркивания ср. *sukau* → *suku*, *sukai* → *suki*, можно привести новый (полный) вариант схемы:

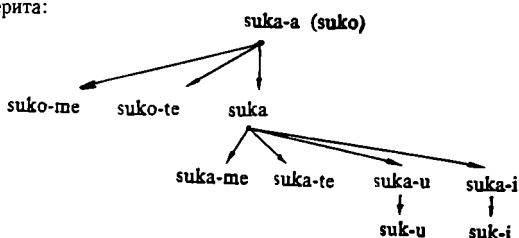

Т.е.:

²⁸ Ср. также глаголы, относимые ко 2-ому спряжению. Естественно, что приводимые соотношения меняются при диалектных *suku*, *suki* *suk*, но *suko*.

Понятно, что в качестве исходного элемента можно взять флексию 3-его лица претерита:

Однако при этой процедуре число шагов в глубину достигает трех (*suko* → *suka* (1) → *sukau* (2) → *suku* (3)), тогда как при первой процедуре их число не превышало двух²⁹.

Смысл приведенных выше схем заключается не только в том, что они описывают структуру флективной парадигмы, построенной отчетливо иерархически, но и в том, что для большинства глаголов переход от форм презенса к формам претерита связан не с неизменным выделением двух основ, а возникает уже на уровне анализа флексий. Если вспомнить, что набор окончаний в презенсе и претерите оказывается, по сути дела, единым и часто различие презенса от претерита зависит от повторения данного окончания; что наиболее сложные случаи перехода от инфинитива к презенсу (глаголы на *-ėti* и *-oti*) оказываются наиболее простыми, если речь идет о переходе к претериту; что для идентификации времени данной формы нужно обращение к соответствующей форме другого времени и т. д., и т. д., — то подтвердится наблюдение ряда сравнительно-исторических исследований литовского глагола о позднем характере современных средств выражения противопоставления презенса и претерита; точнее — об относительно недавнем переосмыслении противопоставленных друг другу серий формальных элементов.

²⁹ К тому же и при такой схеме из *suka* выходит 4 стрелки, тогда как из *suko* — 3.